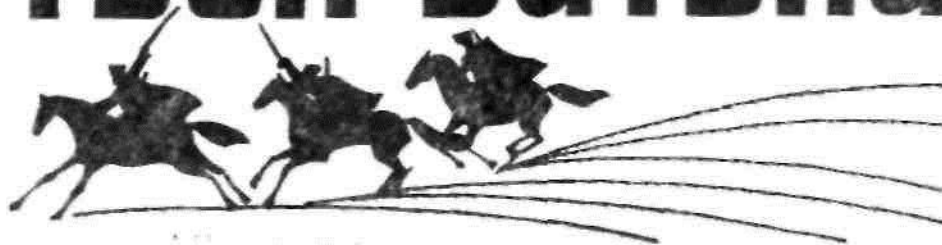

ВИКТОР ЯРОШ

ТВОЙ БАТЬКА

Отрывок из повести «Чертов палац»

Николай шел по улице к председателскому дому и вспоминал все, что ему рассказывали об отце. Мало осталось тех, кто знал его. Мало. Недавно и дядя Ларион помер — отцов дружок. Доконала его пуля в голове. Восемнадцать лет с пулей в черепе жил!.. Он говорил, что отец был веселый. А Шумаков Федор говорит, что отец был злой как черт! Когда фашистов рубал, себя забывал даже. А мать говорит, что он был тихий да ласковый. Робкий. Работящий. Что там еще скажет Духов Алексей Иванович?

Высокий, крашенный зеленой краской, сплошной деревянный забор скрывал за собой просторный, белостенный председательский дом. Со двора на улицу через этот высокий забор перехлестывали ветки яблонь с крупными краснобокими яблоками.

«У другого давно бы пацаны палками пообивали, а у него нет — уважают Духова», — подумал Николай.

Николай нажал на кнопку звонка у калитки.

Через три минуты звякнула задвижка, и калитку открыл Иван Духов — младший сын председателя.

— Здорово, — сказал Николай, подавая руку, — ты уже дома? Как экзамены?

— Порядок! Восемнадцать баллов! Прохожу по конкурсу.

— Отец дома?

— Дома. В огороде возится. Он

немного под чихирем... Я только в обед приехал, мы на радостях даванули. Да ты заходи! Я на танцы собираюсь, а ему поговорить не с кем.

Он провел к веранде и крикнул через штaketник в огород:

— Батя! К тебе Николай Добрынин пришел.

— Иду! — откликнулся из заросшего буйной зеленью огорода Алексей Иванович.

Иван ушел в дом.

А через низенькую калитку во двор из огорода протиснулся председатель. Он был в одних трусах. В закатном красноватом свете розовели его мощные, округлые плечи. Вперед выпирал торчком живот. Сопя и отдуваясь, Алексей Иванович косолапо затопал к веранде.

— А-а-а... Здорово, казачок, здорово. Чего там случилось? Чего прибеж?

— Ничего не случилось, просто так пришел... Помните, вы говорили: приходи в воскресенье — про отца расскажу... Ну, вот я и решил зайти.

— Ничего не случилось? Ну, добре, добре! Заходи на веранду. Гостем будешь.

Они неторопливо поднялись по порожкам в застекленную просторную веранду.

— Садись, — Алексей Иванович, показал на уставленный закусками стол у раскрытых створок веранды. — Садись и будем балакать. Водку мы не допили...

Радость у меня! Иван в сельхоз поступил. Слышал?

— Слышал. Молодец.

— То-то, что молодец!— Председатель наклонился над столом и загудел в самое лицо Николая:— Я ему сказал: от земли — ни шагу! Она, кормилица, и силу даст, и успокоит, и вылечит! Ты думаешь, что такое земля? Зачем она? Чтоб хлеб родить и мясо давать? Правильно! Только родная земля — это еще и душа человеческая.

Они выпили. Николай стая закусывать помидором и крутым вареным яйцом. Председатель метнул в рот огромный, сколько смог наколоть на широкую, зубастую вилку, пучок тертой редьки.

— Земля...— гудел Алексей Иванович.— Замечаем мы ее? Нет, не замечаем! Живем на ней, как так и быть положено. Даже ругаем ее, когда выматывает она нас Убегаем от нее временами. Привыкли, как к своему сердцу. А если сердце начнет перебои давать? А-а-а... То-то и оно! Закрутишься тогда! Когда немец пришел на нашу землю, мы это очень дюже почувствовали. Так дюже, что кровь по каплям отдавали и не жалко было! Во, видал?

Алексей Иванович показал на правом боку огромный корявый шрам.

— Здорово вас...

— Так чикнуло, что и кишки наружу вылезли. Я их руками придерживал.

— Чем это?

— Осколком. Распорол бок и улетел.

— Да-а...

— Вот те и да! А это видал?.. А это?.. А вот?!

Алексей Иванович показывал отметины на груди, на спине, на руках и длинный шрам на ноге почти от колена до щиколотки.

— Я тебе и еще показал бы, да трусы снимать неудобно!— рассмеялся он.

— Сильно вас пометило!

— Метило, да не приметило! Живой остался! Наша земля нам недешево далась. Сколько народу на фронт

уходило? С каждого двора по одному, а то и по два, по три человека. Человек по сто с каждой улицы. Эскадроны шли — земля гудела! А вернулось? На каждую улицу по два-три человека. Это ты понимаешь?

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь,— вдруг озлился председатель.— Ты не видел!

— У меня отец погиб.

— А-а... Давай выпьем за героев, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины! — торжественно, как на митинге, сказал Алексей Иванович.

Выпили.

— Какой он был, батя мой?— спросил Николай.

— Какой? — председатель задумался. — А ну встань.

Николай встал.

— Такой вот и был, как ты. В точности. Только поплотней, посильней. А так все в точности. И брови косматые, и чуб — волной. Только он помоложе был. Да. Помоложе.

— Мать говорит: он тихий был, ласковый.

— Тихий? Это он дома был тихий. Дома он счастливый был, спокойный. Работа, семья... Все улыбался тихонечко да тебя нянчил... А когда мы из Ставрополя навстречу немцу в Белоруссию двинули, тут он переменялся.

— Как?

— А так... Веселый дюже стал. Все не терпелось ему до Берлина добратся! Они с Ларионом-покойником дружки были закадычные. Все торопились: когда фрицев встретим, да когда... Не верилось, что могут немцы против нас, казаков, устоять. Не верилось! Как только наши кони до Берлина доскачут — так и войне конец! Это батя твой говорил. Только я думаю: не в Берлин ему хотелось, а домой вернуться скорей. Просто дорога была через Берлин, и не иначе...

— А Федор Шумаков говорит: он злой был.

— Это он потом стал таким. Когда наших много побиили. И увидели мы, что

фашисты с нашими людьми делают, с белорусами. Там не только он, все мы озлобились.

— Да... Поиздевались. Долго отступать пришлось...

— Отступать? Черта с два! Мы уже через два месяца после начала войны наступали. Недолго, правда, но отступали. Понял? Не верили мы, что фашисты могут устоять против казаков! И не устояли бы! Только ведь мы — с шашками, а они с танками, с пушками. Вот и потягайся.

— Шашкой танка не возьмешь...

— Не возьмешь? А мы брали!

— Танки?

— И танки! Э-э-э... Знаешь, какие люди были? Наша пятьдесят третья Ставропольская казачья дивизия у нас в крае формировалась. Сразу, как войну объявили. Все свои. Наши станичники — из Преградной, Зеленчукской, Усть-Джегутинской, Изобильненской, Ново-Михайловской, Троицкой... Из всех станиц. И кони были с наших конзаводов. Хорошие кони. Скаковые! А командовал дивизией Кондрат Семенович Мельник. Умная голова! Мы так турнули фашистов, что они всю войну конников боялись. Кричали: казакен, казакен! Если хочешь знать, мы уже в августе в Белоруссии были. Наша, Ставропольская, и пятидесятая Кубанская дивизия — соседи наши, землячки-казачки... Исса Плиев ими командовал. Горячая голова! А в Белоруссии дивизии объединили и командовать поставили Льва Михайловича Доватора. Слышал про такого?

— Слышал. Как же...

— То-то. Он из Белоруссии сам до войны и в войну командовал казаками. Сжился, сам казаком стал. С ним-то мы и дали фрицам жару! Станция есть такая: Жарковская. Недалеко от нее мы их прижарили!

— И отец был там?

— А как же! Он там первым на танки верхом дунул... Оно, конечно, там некогда было разглядывать: кто первый, кто потом. Только я-то видел. Командиру эскадрона положено видеть. А к тому ж он приказ нарушил...

Из комнаты вышел наглаженный, в

ослепительно белой рубашке Иван.

— Я на танцы, батя,— сказал. — До полночи не ждите.

— Иди. Гуляй. Заслужил. Председатель помолчал.

— Ну так вот... Болота там — кони вязнут! Чавкает земля под копытами, и все. Это тебе не наши горы: скачешь — камень звенит! А там — гиблое дело! Туман. Сырь. Кони топнут... Атака в четыре тридцать утра, на рассвете. Доватор приказал. Хорошо... Вывел я в четыре свой эскадрон к речке. Такая дохлая речонка, тихая, топкая, не то, что наша Кубань! Межа называется. Брод мы раньше нащупали. Стоим, ждем. Туман — молоко белое, ничего не видать! Стоим тихо, позамотали все железки, чтоб не звякнуло. Туман густой, а слышно далеко.

Председатель склонил крупную лысоватую голову и говорил медленно, вспоминая, словно для себя:

— Подошел ко мне Андрюшка Добрынин... Ну да — твой отец. Говорит: «Ну, что, Леша, дадим сегодня Гитлеру?» — а сам смеется, зубы белеют. Веселый такой. «Дадим — говорю, — если артиллерией не придавят... Что-то ты веселый такой? Гляди в бою не лихачись по-дурному». «А я, — говорит, — не боюсь. Я заговоренный. На провожании маманя надо мной молитву читала. И сложить голову в этих болотах сырых неохота. Мокро дюже в земле... А как вздумаю, что он может в мой двор взойти и в хату, которую я вот этими руками построил, и где жена моя и сын проживают, поверишь — задыхаться начинаю!»

Алексей Иванович помолчал.

— А тут, понимаешь, на той стороне за бродом камышок затрещал, — продолжал он, — немецкий говор слышно... Атака вот-вот, а там — немцы! Сколько их? Черт его знает! Туман. Нарвешься как раз на засаду — эскадрон погубишь. Спрашиваю твоего батю: «Слышишь?»

— Слышу, — говорит. — Давай мы с Ларькой и Гаврюхой сходим. Если мало — мы их кинжалами, шашками!

— А если много — вернетесь! Приказ. Другое место поищем. И чтоб тихо!

— Как на учениях,— говорит.

— Поснимали они все, остались только в рубашках и штанах и — в воду. А на том берегу фрицы гремят посудой, гугукают по-своему. Ждем-ждем — ничего! Сейчас атака начнется, а я не знаю, что там за туманом. Как людей поведу? За речкой немец даже запел что-то. Запел и... оборвался голос. Ну, думаю, накололся! И сразу в стороне пулемет зататакал, автоматы, винтовки густо посыпали горохом. Ура закричали... А с той стороны Гаврюха перебрался. Мокрый. Зубами клацает то ли от холода, то ли от переживания. Смеется... Пять человек, говорит, уложили. Они по воду приходили с ведрами. Умывались. Видать, кухня у них тут где-то. Андрей с Ларионом дальше пошли по следу. Командую: «По коням!» А на том берегу Андрюха и Ларион встречаются. До немцев — метров пятьсот. Лагерь. Машины есть. Окопов нет. Наверное, ночью подошли. Ну, мы шашки — вон! Гранаты в руки и — пошел, пошел наметом! Накрыли их субчиков, как снег на голову! Побили.

— А отец как?

— Что отец? Со всеми вместе. Сел на коня — и в атаку. Разве там увидишь, где кто? Скачут — земля гудит, а потом гикнули, свистнули, «ура» закричали — только бурки за плечами выются!

— Вы говорили: отец приказ нарушил... — напомнил Николай.

— А-а-а! Не то, чтоб нарушил, а так... На другой день немцы направили карательный отряд для полного уничтожения казачьих частей. Мы уже тогда прилично им в тыл влезли. Но пока они чухались, мы атаковали деревню со штабом карателей. И смех, и грех! Они никак не ожидали нас! Мы на галопе вылетели из лесу и ворвались в деревню. Они не успели за оружие схватиться. Забегали, замелькали и сыпанули по дороге. Тут мы их и настигли. А в деревне на плетнях автоматы висят, бельё сушится. В штабе офицерские куртки по стульям. Привыкли они себя

хозяевами на чужой земле чувствовать! Так мы им напомнили, кто хозяева... Отец твой молодец! Он шашкой рубал не очень, а стрелял на скаку ловко. И-да... Только мы начали в деревне разбираться, слышим — моторы гудят! Из лесочка по дороге танки вываливаются. Мы — по коням и туда! Да куды там! Только из деревни выскочили, как они начали снарядами лепить, да из пулеметов... Сплошной свинец. Командир полка приказал: эскадронам назад! Попрытались мы за домами, в садочках. Только фрицы не дураки: подошли метров на сто, остановились и — опять палить! Как влепят в дом — брызги во все стороны! Кони ржут, падают, казаки гибнут. Раненые стонут! Что ты будешь делать! Что им наши пулеметы, винтовки да шашки. Приказал я укрыться всем как можно сильнее. А он лепит, он поливает! Десять танков! И все ближе, ближе... Погибель, и только. Вижу, так они все эскадроны посекут начисто. А тут гляжу: батя твой крикнул что-то, прыгнул на коня и выметнулся из-за дома. Не выдержал, думаю, тикает! «Куда?! — кричу. — Назад! Приказ!» А он бутылку выхватил, поднял ее над головой, как шашку, и на галопе к крайнему танку! Пока тот из-за дыма разгляделся, Андрюха вокруг него, как черт, на коне вертелся и бутылки об него бил! Хрясь! Хрясь! Загорелся танк. Как копна в поле, запольхал! Гляжу, из-за соседнего дома Ларион выхватил на коне и — к танку! Из-за других домов сыпанули. Я тоже на коня прыгнул и садочком туда же маханул. Налетели со всех сторон. Завертелись танки. А их уже по лесу стали обходить и оттуда налетели. Он в одних стреляет, а к нему сзади на коне подлетают и — бутылкой! Все загорелись... Вот так-то. На конях танки атаковали. Все десять и пожгли. Правда, людей много потеряли. И каких! Э-з-эх!..

— Долго вы наступали?

— Не-ет. Мы, собственно, и не наступали, а тылы громили. Напугали

фрицев. Они за голову Доватора пятьдесят тысяч марок обещали. Читали мы ихние листки. Успокаивали они своих, что казаков не двести тысяч, а восемнадцать... Во — наделали шороху! Нас и всего-то было около трех тысяч!— Алексей Иванович засмеялся.

— А потом? — спросил Николай.

— А потом мы вернулись к своим. Трудно пробивались. Не хотели нас выпускать. Со всех сторон жали. Только черта с два! Прорвались! Второго сентября мы вышли к своим. Понял? Вот так-то!

— Отца не ранило?

— Он же заговоренный был!—

Алексей Иванович засмеялся.

— Заговоренный, а погиб. —

К глазам Николая подступили слезы.

— Погиб... Он еще дрался с нами под Ржевом, под Волоколамском... Если бы ты знал, по сколько атак отбивали в день! Особенно на речке Ламе. Сколько дружков схоронили там. Но Москва была за нами... Мы там прикрывали большак из Михайловска на Ново-Петровское. Против нас наступала десятая танковая дивизия. Я и цифры эти помню потому, что так трудно, кажется, больше никогда не было. Четыре дня держали немцев, можно сказать, своей душой. Рядом с нами панфиловцы дрались. Знаешь?

— Как не знать...

— Держали мы, держали немцев, а в конце ноября получаем приказ: контратаковать! Снег, холод собачий, мороз. Коням скользко. Но мы атаковали. Да. Атаковали. Через три километра напоролась на батарею ихнюю. И когда уже били немцев около пушек, нашла пуля бату твоего. В грудь убило. Пуля — дура... Там и схоронили в лесу. А нам за эти бои гвардейцев присвоили. Только народу у нас осталось с гулькин нос. И коней тоже... Тогда Доватор написал письмо на Ставропольщину, пополнения просил. Понравилась ему ставропольцы, хорошо дрались. Пришло пополнение. Земляки пришли. А погибших не поднять...